

Практики «дарообмена» в ритуальной культуре поморской деревни н. XX - н. XXI вв.

Интерес автора к теме вызван рядом публикаций, появившихся со времени выхода в свет в 1925г. «Очерка о даре» М. Мосса¹. Предложенный подход к анализу эмпирических материалов дает возможность увидеть существование различных типов обмена в изучаемых этнических группах. Сквозь призму различий проявляется идентичность и ее преемственность во времени между индивидами, группами, обществами². Собственно, в этом и кроется секрет постоянного интереса к дару.

Матрица дарообмена позволяет прояснить принципы взаимодействия некоторых социальных структур. Ее использование при изучении культуры этнических групп сохраняющих традиционный уклад организации жизни предоставляет возможность понять прагматику совершаемых ритуалов. При использовании той же матрицы в обществах с модифицированной структурой, но все еще сохраняющих память об актуальных до недавнего времени ритуалах как, например в современной севернорусской деревне, возникают определенные сложности. Насколько корректны будут результаты анализа полевых материалов, записанных в последние годы? Придется учесть, что фиксация ритуала в живом социальном контексте заменится фрагментарной записью, интервью и будет смоделирована по воспоминаниям информантов. Как следствие, ограничение возможностей анализа связующих звеньев, возникающих в цепи *ритуал – символ – социальные отношения*³. С.Ю. Неклюдов обращает внимание на то, что в экспедициях «приходится сталкиваться не с самими ритуальными действиями, а с их следами в виде различных артефактов, смысл которых сплошь да рядом оказывается отнюдь не прозрачным»⁴ и предлагает их рассматривать как отдельный жанр фольклора (описания-«экспликации» и описания-«инструкции»). Нередки случаи, когда такое описание значительно отличается от ритуальных действий. Он отмечает, что чаще всего подвергается изменениям истолкование обрядовой символики («экзегетический параметр символа»⁵). И все же, несмотря на перечисленные трудности, исследователь может получить необходимый аналитический материал. Это касается тех случаях, в которых информанты были участниками практик, продолжавших воспроизводить традиционные модели. Рассказы деревенских жителей, рожденных в первой половине прошлого века, основываются на семейных преданиях и описании событий, участниками которых они являлись. Они позволяют реконструировать существовавшие до недавнего времени ритуалы дарообмена и этикетные нормы, регулирующие взаимоотношения в локальной группе.

Материалы, собранные автором в экспедициях 2006-2010гг. на территории Кемского и Беломорского районов Республики Карелии⁶, позволили убедиться в очевидности существования разнообразных форм дарообмена. Ритуальные одаривания в традиционной

¹ Мосс М. Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М. 1996., Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1939. Т.2; Levi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. Paris. 1949; Weiner A. The Paradox of Keeping-while-Giving. Berkeley, 1992; Байбулин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л., 1990; Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982., Мадлевская Е.Л. Колядка // Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001. С.259-265., Годелье М. Загадка дара М. 2007. и др.

² Годелье М. Загадка дара М., 2007. С. 45.

³ См. об этом Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. С. 14-15.

⁴ Неклюдов С.Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография: К девяностолетию К.В. Чистова. Сб. статей. СПб, 2011. С. 1, 6-7 (пагинация указана по авторской рукописи).

⁵ Тернер В. Символ и ритуал. М. 1983. С. 41.

⁶ Полевые материалы автора хранятся в Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова хранятся в архиве Центра, (далее АФЭЦ). В статье используются полевые записи сделанные в 2009-2010 гг в с. Нюхча, Беломорского района Республики Карелии – кол. 251, 263. Экспедиционные записи хранятся на аудио и видео кассетах, электронных дисках и винчестерах. Полевые дневники и др. рукописные материалы сохраняются в Рукописном фонде (РФ). Расшифровки используемых материалов выполнены автором.

культуре поморов включались не только в текст календарных и семейных праздников, они связывались с промысловой деятельностью, совершались в случаях кризисных ситуаций, а также при посещении сакральных объектов.

В этой статье я остановлюсь на тех практиках дарообмена, которые сопровождают Святки - наиболее развитый праздничный цикл зимнего периода. Они сконцентрированы в святочных обходах дворов *христовлацями*, гощении девушек достигших половой зрелости в семьях родственников и приходах ряженных в дома сельских жителей. В большинстве публикаций, рассматривающих обрядовые обходы дворов колядовщиками/христовлацями, внимание авторов концентрируется на интерпретациях, связанных с мифологическими представлениями. Так, Л.Н. Виноградова отмечает, что происходили «выделения специальной обрядовой пищи для передачи умершим родственникам, которые воспринимались как опекуны семьи, способные повлиять на урожайность полей, благополучие в хозяйстве и на счастливый приплод скота»⁷. Тот же подход в работе А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова, рассматривающих ритуалы гостеприимства, (в т.ч. угощения)⁸. По мнению исследователей, дарообмен представляет удобную модель, позволяющую понять интерпретации отношений с представителями иного мира.

Такой подход помогает определить ось вертикальной связи в структуре коммуникаций – «живые-мертвые». При этом в тени остается горизонтальная ось, определяющая систему коммуникативных связей, складывающихся внутри социальной группы. Именно дар по мнению Мориса Годелье представляет не только «механизм, который приводит к циркуляции имущества и людей и обеспечивает таким образом их распределение и перераспределение между группами, составляющими общество. В более глубоком смысле, это и условия для создания и воспроизводства социальных отношений, которые составляют специфический каркас общества и характеризуют связи соединяющие индивидов и группы»⁹. Обратимся к рассмотрению обрядовых практик, позволяющих реконструировать проекции межгруппового взаимодействия.

В Кемском и Беломорском районах период Святков ограничивался праздниками Рождества (25/ХІІ) и Крещения (6/І). Рассказы сельских жителей красочно передают атмосферу праздника. «С самого детства в моей памяти и в памяти моих одногодков, людей, которые этого поколения – Рождество», - вспоминала жительница с. Нюхча А.К. Демьянчук. «Это такой был престольный праздник, ну праздник большой. Очень рано топились печки во всех избах и где там посерьезней люди побогаче, там всегда пекутся шаньги – это, значит, калиточки по-теперешнему¹⁰, рыбники, шаньги... И, каждая хозяйка старалась пораньше [управиться – Е.С.], чтобы в семь уже натопить эту печку, потому что часам к восьми они пойдут уже [в церковь – Е.С.]. А мы уже: “Мама, разбуди меня в шесть”. Хухольничать пойдём. Вот собираемся, много не берём, само максимум пять человек, потому что нам надо, чтобы каждому досталось что-нибудь. Вот идем мы хухольничать. Домой нас не запускают – это сорокаградусный мороз, седьмого января. Надеты - кто во что...»¹¹. В систему дарообмена включались не только материальные блага (продукты, вещи), но и ритуальные формы благопожеланий, произносимых славильщиками. Перейдем к последовательному рассмотрению этой системы.

«В Рожесво-то славили, в Рожесво-то пели под окно»¹².

Святочные обходы дворов начинались с раннего утра в день Рождества¹³. Дети и подростки собирались *славить* небольшими группами – до пяти человек. «По многу –

⁷ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия... С. 147.

⁸ Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета... С. 124-126, 133.

⁹ Годелье М. Загадка дара... С.63.

¹⁰ В последние годы А.К. Демьянчук непостоянно проживает в с. Нюхча, часть времени она проводит в г. Беломорске. В кафе и продуктовых магазинах этого города продаются «калиточки» с разнообразной начинкой. Возможно, отсюда и представление о «калиточках по-теперешнему».

¹¹ АФЭЦ, основной видеофонд, далее ОВФ: кол. 263, видеокассета 1742, Республика Карелия, Беломорский район с. Нюхча. Инф.: Александра Константиновна Демьянчук, 1938 г.р., автор записи Е.Самойлова, 2010 г.

¹² АФЭЦ, основной аудиофонд, далее ОАФ: кол. 251, звуковой файл 0740, Республика Карелия, Беломорский район с. Нюхча. Инф.: Любовь Меркурьевна Кичигина, 1932 г.р., автор записи Е. Самойлова, 2009 г

неловко, потому что хозяйке надо выносить много. Хозяйка-то тоже бедненькая, что ей и выносить-то? Человека 3-4 порой, а иногда, и по двое бегали.<...> с пяти утра часа три мы уже бегали по деревне. Холодно тогда [было – Е.С.] зимой. <...> А пели-то громко, [когда у окон – Е.С.] двойные рамы, то не слышно. Пели очень громко, а порой атмосфера такая, что здесь поют, а у нас за ручьем слышно. Так вот, утром только выйдешь и слышишь: “Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите”^{14,15}. Оттуда, отсюда - отовсюду слышно как уже *христославцы* Христа славят. Ну вот, эти тропари, икосы, кондаки, эти мы пели»¹⁶.

Механизмы трансляции. Репертуар *христославцев* почти не отличался. На улице пели тропарь «Рождество Твое...», «Славу»¹⁷ и кондак «Дева днесь...» в том виде, в каком смогли воспринять от старшего поколения: «До окончания школы я ходила, хотя был социализм. И был... атеизм называется. Но мы пели, не понимая, что такое это Бог, что такое это...»¹⁸. Пожалуй, это одна из причин, объясняющая неточности в воспроизведении канонических текстов¹⁹, например, при исполнении тропаря, могли спеть «Небо со звездой учася», вместо «в нем бо звездам служащий». Кондак был еще менее понятен, переосмысление текстовой строки «ангели с пастырьми славословят» иногда озвучивалось следующим образом: «Ты, супосты... славословишь»²⁰. Напевы и тесты воспринимались детьми на слух, от старшего поколения: «Нас родители научили. Оказывается, они тропарь, кондак и икос и все вместе складывали в *общую* такую *христославную молитву*. И мы с этой молитвой, с этими словами бегали. [- А как Вас научили?] - Ну как? Мать ходит, дела делает: “Запоминай-ко, запоминай”. Постарше ребята учат, а малыши тоже схватывают, и маленькие²¹. Так специально нас не учили. Вот так, попоет мать, мы и услышим, повторяем»²². Исполнение «общей христославной молитвы» завершалось поздравлением хозяев:

¹³ Эта информация не согласуется с приводимой Т.А. Бернштам. По данным исследовательницы обходы начинались на 2-3-й дни после Рождества. См.: Бернштам Т.А. Народная культура... С. 162.

¹⁴ В толковом словаре В.И. Даля находим следующее определение: Сряща ж. и срящ м. (встреча?) церк. зараза, мор. «От сряща и беса полуденного», Псалтирь; Гаданье, ворожба, встречи и приметы «Не вражьте и ни сряща смотрите от птиц» (Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка М., 1998. Т. IV. С. 306.), Левт; в церковно-славянском словаре, срящ понимается как «неприятная встреча, нападение; Срищется – сбегается» (Краткий словарь церковно-славянских слов, М., 2000. С. 15-16.) В словаре устаревших и малоупотребительных слов: «Среши – найти, срящем – найдем» (Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972. С. 574.). Воспользовавшись вышеперечисленными словарными комментариями, получаем достаточно размытое толкование ирмоса первой песни рождественского канона «Христос с небес – (встречайте, сбегайтесь, найдите). На мой взгляд, ближе к истине сомневающийся В. Даль (*встреча?*). Оттенок негативизма появляющийся в церковно-славянском словаре (*неприятная встреча*) рождается в контексте 90 псалма, анализ других текстов отсутствует, что порождает определенные сомнения. А если учесть многочисленные переводы, в которых наибольшие сложности были связаны с употреблением предлогов, можно предположить возникновение неточностей, искажений оригинального текста (как вариант в том же псалме – «от срящи беса полуденного»).

¹⁵ Это ошибочное утверждение, впоследствии опровергнутое самим информантом.

¹⁶ АФЭЦ ОАФ: кол. 251, звуковой файл 0752, Республика Карелия, Беломорский район с. Нюхча. Инф.: Анна Ивановна Попова, 1940 г.р., автор записи Е. Самойлова, 2009 г.

¹⁷ «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

¹⁸ См. комментарий к сноске 8.

¹⁹ Петербургская исследовательница С.В. Подrezова приводит сходные примеры текстовых трансформаций на примерах народного исполнения пасхального тропаря. (С.В. Подrezова Некоторые соотношения поэтического текста в народных распевах пасхального тропаря «Христос воскрес» // По следам Е.Э. Линевой. Сборник научных статей. Вологда, 2002. С.268-269).

²⁰ АФЭЦ ОАФ: кол.251, звуковой файл 0820. Инф.: Лидия Григорьевна Юрьева, 1938 г.р., Александра Ивановна Миронова, 1932 г.р. Республика Карелия, г. Беломорск, автор записи Е.Самойлова, 2009 г.

²¹ Дети дошкольного возраста могли исполнять более простые тексты - «<...> если придет такой как мой Саша маленький», - рассказывала А.К. Демьянчук. «Он поет так:

Маленька гармошка

Не умеет Христа славить,

Славите, не славите

Подайте Христославно!

И все. - Ой, какой молодец, вот такую выучил ты...». (См. комментарий к сноске 7). В других вариантах зачин начинался словами «Маленький Ермошка...».

²² См. комментарий к сноске 11.

«Хозяин, да хозяйюшка,
Здравствуйте!
С праздничком!
С Христовым Рождеством!»²³.

Этикетные нормы. Если пели на улице «под окно», то разрешения на славление не просили, т.е. опускались «общие или вступительные формулы»²⁴, которые были обязательны при пении в избе. Тексты, исполняемые на улице, дополнялись просьбой об одаривании («формулы, содержащие просьбу о вознаграждении»²⁵): «А с улицы еще кричат: “Подайте христославу!”»²⁶. В случаях домашнего исполнения «христославу» уже не просили, гостей одаривали без дополнительных напоминаний²⁷. Зайдя в избу «христославцы» останавливались у порога и спрашивали разрешения у хозяев, после одобрительного ответа которых, пели, обратившись лицом к иконам. «А еще сначала зайдут: “Здравствуйте!” – Здравствуйте. – Мир дому сему. Можно Христа прославить? Еще спрашивают у хозяев, когда в избе. Там-то [на улице – Е.С.] уже не спрашивают, потому, что не слышно. А тут: “Можно ли Христа прославить?”. – Так славьте, славьте. – Ну, давай! Толкаешь друг друга, чтобы одновременно».

Формирование группы. Славление в доме считалось более почетным. В избу приглашались только те детские группы, в которых один или несколько участников находились в *родственных отношениях* с хозяевами. Возможно, именно поэтому объединение славильщиков происходило не столько по дружественному, сколько по родственному признаку: «Ходили и одни мальчишки, ходили и одни девчонки, ходили и девочки с мальчиками, *котора родня, а чужие с чужими не ходили*. Всегда, или подружки тут, или родня какая-то. Ну, у каждого своя компания»²⁸. «В Рожесво-то пели под окно, *если родной человек, так в избу заходили, славили, а если такие, чужие ребята, дак, на улице*»²⁹.

Дарообмен. В ответ на праздничное поздравление хозяева одаривали гостей. Как правило, угощали съестным, иногда давали копейки. В Нюхче не готовили специальную обрядовую выпечку как на Терском, Летнем и Зимнем берегах Белого моря («косули», «коровки», «тетеры») ³⁰. Их заменяли обычные шанежки, кусочки пирога и пр. «Мы же голодные были. Нам и хлеб, порой подадут и *картофелину*... мы и то рады были. А если *конфет*...! *Деньгами-то редко* [давали – Е.С.], деньгами - потом уже стало. А вот, конфет или *пряничек*, или *печенье*. <...> И вот, в доме прославишь. А если хозяйка ранняя, у нее уже и *стряпня* готова, и *по стряпешке* даст нам – по ягодничку или по творожничку. Ну, мы и радехоньки. Бегали по всей деревне»³¹. Дары для уличных христославцев мало чем отличались от полученных в доме, те же монеты, пряники, печенье, хлеб, картофель, шанежка или «стряпешка», хотя последними чаще одаривали славильщиков преклонного возраста. Хозяин или хозяйка выходили к детям на улицу, чтобы посмотреть на славильщиков, после чего выносили праздничное угощение. При этом так же учитывались отношения родства. Например, как в случае, рассказанном Л.М. Кичигиной: «Клава до сих пор помнит. У ей *кресный* пришел с фронта, нога ранена была, на костылях пришел. А они пошли славить. Наверно, в сорок четвертом, сорок шестом или сорок седьмом году, ей, наверно, годов шесть или семь было. Мы пришли», - говорит, - «Прославили. Он вышел,

²³ Там же.

²⁴ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия... С. 23-24.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ В местной традиции не подтверждается обязательность трехчастной формы построения ритуального поздравления, стабильно проявляющаяся в материалах, анализируемых Л.Н. Виноградовой (См. об этом: Виноградова Л.Н. Зимняя календарная... С. 23-24.). Подвижность формы определялась спецификой исполнения обрядовых текстов в пространстве дома или на улице.

²⁸ См. комментарий к сноске 11.

²⁹ См. комментарий к сноске 8.

³⁰ Бернштам Т.А. Народная культура поморья. М., 2009. С.163-184, 385.

³¹ См. комментарий к сноске 11.

вынес конфет. <...> *всем дал конфет. А мне*», - говорит, - «*Дал конфет, да еще пять рублей*». Она до сих пор помнит. Ей семьдесят лет»³². Приведу еще одно описание, в котором информант акцентирует внимание на определяющем факторе родственной связи: «Выходит там дедушко старенький – хозяин. Выходит. Нас домой никто не пускал. – Много ли вас? А мы кричим: «Нас пятеро!». Дедка спрашивает: «*Есть ли свои-то?*». – Есть. Я (там, Шура или она – Люся к своим пришла). *Есть свои*. Значит, *своим дадут двадцать копеек, а тем – по пятаку*, ну, и шаньги. Каждой по шаньги – там пять вынесут или по половинке разделим. Шаньги мы [клали – Е.С.] в общий котел, а деньги – каждый себе. И мы столько наскопим этого всего!»³³.

В случаях, когда хозяева задерживались и долго не выходили к славильщикам исполнялись корильные тексты:

«Гешу-потешу,
Хозяина повешу,
Вниз головой,
В ведро бородой»³⁴.

Праздничные дары укладывались в *торбочки* или *короба*: «*У нас кораба... Кто денежек, ну, стряпни еще не было, кто что подает. Ну, несем, дак трудно, в корзинки*»³⁵, «*У каждого своя торбочка была. А как же! Приносишь, смотришь чего там...*»³⁶. Распределяли «христославну» двумя способами: в первом случае дары между участниками распределялись хозяевами – «[Хозяйка – Е.С.] спрашивала: «Сколько вас?». Потом скажешь. Она столько и несет. *Всем помаленьку даст, а не так, что в общем, а потом вы там делите*»³⁷. Во втором – подход был дифференцирован (хозяева давали деньги по собственному усмотрению, а дети дели съестное): «Шаньги мы [клали – Е.С.] в общий котел, а деньги – каждый себе»³⁸.

Направленность обходов. Славильщики руководствовались несколькими принципами при выборе маршрута следования. Во-первых, это передвижение «*по родне*», которое стимулировалось существующей системой одариваний и способствовало укреплению родственных связей: «*И по родне по своей всегда ходили, потому что родня подает более вкусное [и] больше*»³⁹, «*Это ходили, раньше же родня была большая, все же роднились в третьем колене и дальше. Это мы теперь вот тут, двоюродные, да родные – считай, что некоторые уже не знаем, а не то уже...*»⁴⁰.

Во-вторых, шли туда, где надеялись получить более щедрое угощение: «*По родне, да и так, кто побогаче живет к тому и бежишь – авось подаст хорошо*»⁴¹, «[- А как Вы выбирали в какие дома пойдете славить?] Ну, такие вот... *Побогаче, побогаче..., чтобы лучше дать. Побольше дать, послаще дать*»⁴². В этом случае выбор определялся теми же мотивами, что и в первом.

В-третьих, выбирали по признаку пространственной близости – «*Домов много, которые поближе – [кого – Е.С.] знаешь*»⁴³.

Приведенные выше материалы позволяют определить направленность перемещения витальных благ (духовных – благопожелания и материальных - продукты, монеты) в сети социальной структуры. С одной стороны, обмен происходил между возрастными группами, участвующими в производстве материальных благ (взрослые), и

³² См. комментарий к сноске 8.

³³ См. комментарий к сноске 7.

³⁴ См. комментарий к сноске 8.

³⁵ Там же.

³⁶ См. комментарий к сноске 11.

³⁷ Там же.

³⁸ См. комментарий к сноске 7.

³⁹ См. комментарий к сноске 11.

⁴⁰ См. комментарий к сноске 14.

⁴¹ См. комментарий к сноске 11.

⁴² См. комментарий к сноске 14.

⁴³ Там же.

группами, исключенными из этой сферы (дети, старики). С другой, дары распределялись внутри описанных ранее кругов – «по родне», «по богатым», «по соседям». Получение дара от имущих и передача его нуждающимся (при движении «по богатым») может быть рассмотрено в контексте идей утверждения социальной справедливости. Причем, получение материального вознаграждения «христославцами» способствовало подтверждению и укреплению высокого статуса дарителей⁴⁴. Приведу высказывание М. Мосса касающееся *обязанности* надлежащим образом отвечать на дары «Обязанность достойно возмещать носит императивный характер. Если не отдаривают или не разрушают эквивалентной ценности, навсегда теряют лицо»⁴⁵. Циркуляция подарков в кругах «по родне» и «по соседям», прежде всего, была направлена на укрепление родственных и дружеских связей⁴⁶. Своеобразным опознавательным маркером становилась принадлежность своей группе. Распознавание в оппозиции свой/чужой выражалось в вариантах вопросительно-ответной формулы («- Есть ли *свои-то?* - *Есть свои!*»), служившей своеобразным паролем. Быть узанным также означало быть признанным и способствовало усвоению детьми азбуки родственных отношений. Обходы «по родне» очерчивали границы родственных связей и способствовали социальной адаптации подрастающего поколения.

Сельские жители преклонного возраста также были участниками рождественских обходов. Старики, как и дети, относились к тем социовозрастным группам, которые не участвовали в материальном производстве (или были задействованы на подсобных работах). Несмотря на эту общую характеристику, обходы стариков отличались по ряду признаков и поэтому будут рассмотрены более подробно.

«Старушки ходили - одинокие старушки»⁴⁷.

Как уже говорилось выше, время детских обходов приходилось на темное время суток и длилось с пяти до восьми часов утра. С рассветом и до обеда дома обходили сельские жители преклонного возраста. «Они днем ходили. Они рано поутру не ходили, не днем, а до обеда. Они ходили, славил. Я помню Кузьмовна к нам приходила. Их накормят, напоят, с собой дают, посидят они...»⁴⁸. Старики славил в доме: «А вот если уже пожилой человек придет, дак он сразу заходит в комнату: «Хозяин, с хозяйшкой, разрешите Христа прославить!». – Да, слава, слава. А в войну, особенно. Приходили старушки, ну, бедные которые. Попить, поить нечего было, дак вот, они славить ходили. Они разрешения спросят и начинают: «Христос рождаеми, славите!»»⁴⁹. Их репертуар ничем не отличался от «общей христославной молитвы», исполняемой детьми в избе, т.е. включал ирмосы первой и третьей песней рождественского канона. «Христославцев» старшего поколения приглашали к обеденному столу – разделить праздничное угощение с хозяевами и давали с собой праздничную выпечку: «Перед обедом приходили все, дак тут их и кормили, и с собой накладывали.<...> Их угощали уже вкусным всем. Рыбники жарятся, кто что ложит. Ну, уже кормили хорошо. Ну, имею ввиду, уже повкуснее. А нам [детям – Е.С.] и пряник дадут»⁵⁰.

Существенное отличие этих обходов от детских – необязательность (или отсутствие) родственных связей с дарителями. Большинство информантов, описывая приходивших к ним пожилых славильщиков, подчеркивали, что это были *знакомые* с семьей люди, чаще одинокие. Круги обходов пожилых славильщиков сейчас установить

⁴⁴ М. Мосс приходит к выводу, что посредством дара «достигаются ранги» и указывает на один из побуждающих мотивов одариваний в среде знати – страх «нарушить этикет и потерять свой ранг» (Мосс М. Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М. 1996. С. 148-149, 153, 168).

⁴⁵ Мосс М. Общества, обмен... С.153.

⁴⁶ Обмен подарками в родственном кругу встречается у разных народов. Например, В.Г. Богораз подчеркивает обязательность дарообмена в семьях приморских чукчей, связанных сложной цепью группового брака. См. об этом: Богораз В.Г. Чукчи и религия. Л., 1939 г. С. 94.

⁴⁷ См. комментарий к сноске 11.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См. комментарий к сноске 8.

⁵⁰ См. комментарий к сноске 14.

сложно, возможно, это были ответные визиты в дома тех хозяев, которые их обычно одаривали в Пасху и в дни поминовения умерших.

Обходы дворов не были единственным ритуалом, предполагавшим совершение дарообмена между его участниками. Не менее интересна традиция святочного обмена девушками, достигшими возраста невест.

«Водили госьей. Это на моей бытности, это я хорошо помню»⁵¹.

В Рождество или на второй день праздника в дома родителей, имевших дочерей на выданье, приходили родственники – тетушки и дядюшки второго и третьего колена родства, крестные и приглашали девушку в гости («водили госьей»).

В случаях, когда в семьях родственников были дочери, происходил взаимообмен девушками. «А у нас вот еще, вот если у меня родня... Люба Кичагина, она же мне троюродна сестра. <...> Я должна была с Рождества до Крещения жить у них в семье, а Люба должна была – у нас в семье. Я у них должна полы мыть и воду носить, в общем, вместо Любы, а она вместо меня»⁵², - вспоминала Л.Г. Юрьева.

Если в семьях родственного круга не было дочерей, то «госью» приглашали в дома бездетной, или имевшей сыновей, родни - «<...> у одной сестры есть дочь, а у другой нету дочери, одни парни и вот, она приходит, допустим, «Настаня, дай-ко мне Любу в гости». Как заговенье началось после Рожесва, и уводит»⁵³.

Чаще, обмен совершался между родственниками по материнской линии. В период Святков девушки могли жить в одной или нескольких семьях, по обоюдной договоренности. Иногда, святочная гостьба носила условный характер, что объяснялось рабочим графиком девушек в годы коллективного хозяйствования: «Я вечером заснула, ночь ночевала. Утром на рыбалку ехать... *да больше и не бывала в гостях. А раньше-то жили там постоянно и помогали. Вот, пол подмести, воды принести и дров принести, и рукодельничают, сидят*»⁵⁴.

Участники подобных обменных практик преследовали различные цели. Представители старшего поколения осуществляли функцию социального контроля. По их оценочным характеристикам определялась степень подготовленности девушек к браку. Оценивались не только умения, необходимые для ведения домашнего хозяйства, но и коммуникативные качества претенденток. Участие девушек в ритуальных обменах способствовало их интеграции в сообщество. Двухнедельная гостьба была своеобразной репетицией перед предстоящим браком и помогала преодолению возможных коммуникативных барьеров. Циркуляция информации, сконцентрированной в кругу социальной сети, распространялась по каналам связи – соседи, знакомые. В кругу информационных посредников оказывались и группы ряженных, обходы которых продолжались все Святки, за исключением праздничных и воскресных дней. Как и описанные выше ритуальные практики, обходы ряженных – «хухольников»⁵⁵ могут быть рассмотрены в контексте дарообмена.

«Охти, хухольники идут...!»⁵⁶».

Дома, в которых принимали «госью», становились объектом посещения ряженных: «В это время, на второй день Рождества начинается... в Святки ходят «хухольники» – люди взрослые совершенно, моего возраста» - вспоминала семидесяти двухлетняя Александра Константиновна, - «Были как Людмила Васильевна [50-60 лет – Е.С.]. Надеваются ряженными. Одна наденет три сарафана на себя, друг на дружку, подпоясается

⁵¹ См. комментарий к сноске 7.

⁵² См. комментарий к сноске 11.

⁵³ См. комментарий к сноске 8.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Термин «хухольник» употреблялся для обозначения ряженных не только жителями Поморского берега, он был известен и на сопредельных территориях. Среди названий, распространенных в некоторых районах Архангельской области и Республики Карелии - *хухольник, хухляк, хухлик, хухоль* (См. Конка П.А. Святочные обряды карел XIX-начала XXв. Святочное ряжение // Финно-угры и соседи. Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. Сб. научных трудов. СПб., 2002. С. 219.).

⁵⁶ См. комментарий к сноске 8.

здесь и плюшева жакетка сверху. <...> Тогда плюшевка была самое модное в деревне. Это послевоенное время я вам рассказываю. Потом, на голове надет красивый очень досельный плат и повязана тюлевая занавесочка на лицо. Никто ничего не видит. С нашими *хухольниками* идет с балалайкой один мужичек. Там, допустим, у кого-то гармошка есть маленькая, но не баян - обыкновенная там пиликалка какая-нибудь. А третий идет похулиганить, там нас семерина⁵⁷ собралась.... Короб, в корзине, значит, угли, [которые рассыпаются по полу во время пляски хухольников – Е.С.]»⁵⁸. Во время таких визитов нарядно одетая девушка занимала почетное место в красном углу, а родственники вступали в диалог с посетителями, изменившими до неузнаваемости голос – «Если запоешь, все равно узнают по голосу, а вот стараются *регайдать* [менять голос – Е.С.]. Регайдает. Если запоешь, все равно узнают по голосу, а вот стараются регайдать. Э-э-э, где госья-то, где госья-то? Госья-то что? Куды ушла? Ну вот, и пляшут в избе»⁵⁹. После пляски и взаимных шуток хухольников непременно угощали – «И тоже, хухольникам давали [угощение – Е.С.], если взрослые люди давали там обязательно... <...> Потом уже маленько в той избе выпьют, в той избе выпьют и уже очень веселые пойдут»⁶⁰.

В роли «хухольников», обходивших дома потенциальных невест могли быть как люди пожилого возраста, так и молодые парни. И, если первые осуществляли функцию социального контроля в организованных смотрах невест, то вторые находились в поиске брачной пары. Девушки также могли быть участниками подобных обходов, но в этом случае менялось направление движения – «Мы ходили хухольничать уже *по парням*. Вот были у нас здесь в Малом Посаде три парня у матери, у второй было четыре парня. Вот и идем посмотреть какое житье-то»⁶¹. Моя собеседница Л.М. Кичигина даже исполнила фрагмент плясовой песни, сложенной местными песенницами в часы отдыха на рыболовецком промысле:

«Охти, девушки, немило, немило,
Да, сколько раз была во дома – не бело,
Да, не бело, не омываюца,
А сын сидит, а мать ругаице»⁶².

Поскольку обходы дворов *хухольниками* были связаны с выбором пары, во время этих визитов и отношения выстраивались как в своем кругу (молодежь брачного возраста), так и между разными половозростными группами (девушки – родители женихов). Показатели взаимоотношений между девушками и матерями сыновей проявлялись в различных формах, в т.ч. и через символику дара. Радужный прием и щедрое угощение позволяли заключить о благосклонности хозяйки. Скучный гостинец свидетельствовал об обратном. Неприятие могло быть высказано и в открытой форме – «Мы пляшем, а сажа-то трясется. А она [хозяйка, мать троих сыновей – Е.С.] была очень чистоплюиста. Уйдем, она потом нас прокликает. <...> *ни один сын не женился на наших* [посадских девушках – Е.С.], *все не на местных женились*. Потому что она считала нас вредными девками. <...> Она нас все ругала: «Ой, эти-то холеры, ой, эти-то холеры»⁶³.

Таким образом, круговые обходы хухольников могли двигаться в двух направлениях – «*по парням*» и *по девушкам* («*госьям*»). Поведение участников регулировалось общепринятыми нормами этикета. Дружеские взаимоотношения между хозяевами и участниками обходов скреплялись через совместную трапезу или угощение последних.

⁵⁷ А.П. Конка обращает внимание на нечетное количество участников в группе ряженных (См. Конка П.А. Святочные обряды карел... С. 221.).

⁵⁸ См. комментарий к сноске 7.

⁵⁹ См. комментарий к сноске 8.

⁶⁰ См. комментарий к сноске 7.

⁶¹ См. комментарий к сноске 8.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

Анализ структурных связей, рассматриваемых через ритуалы святочного цикла, позволяет определить их концентрацию в брачных кругах и кругах родства. Угощение становится одним из основных видов одаривания и встречается во всех описанных выше ритуальных практиках. Перераспределение всеобщих витальных ценностей (ср. исследования касающиеся доли⁶⁴) происходит между всеми участниками ритуального обмена (вектор движения – «по родне», «по богатым», «по соседям», «по девушкам», «по парням»)⁶⁵. Подарки, способствуют как укреплению устоявшихся родственных связей (детские обходы «по родне»), так и установлению новых, что реализовывалось в выборе брачного партнера («водили госьей», обходы «хухольников»). Причем обходы «по родне» могут прочитываться и в контексте определения границ родства, что приобретает особый смысл в преддверии брачных игр молодежи, когда подбор пары должен был происходить из числа «чужих», не принадлежащих «своему» кругу.

⁶⁴ Веселовский А.Н. Судьба-доля в народных представлениях славян // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5. С. 173-260; Потебня А.А. О доле и сродных с нею существах // Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000. С. 357-397; Седакова О.А. Тема "доли" в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. - М.: Наука, 1990. С. 54-63; Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 51; К реконструкции древнеславянского мировидения (Категории «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 71–87; и пр.

⁶⁵ См. об этом: Байбурин А.К. Ритуал ... С. 136.